

Разговоры с Валерием Голофастом: мысленные и реальные

Излагается опыт многолетнего изучения биографии ленинградского / петербургского социолога Валерия Борисовича Голофаста (1941-2004). Впервые публикуются более 30 (из имеющихся у автора 300) писем Голофаста, позволяющие полнее узнать его биографию и внутренний мир.

Ключевые слова: В.Б. Голофаст, биография, поэтический период, переписка.

Борис Докторов

д. филос. наук, профессор, независимый научный сотрудник, Foster City, Калифорния, США bdoktorov@inbox.ru

Введение

Прежде всего, хотелось бы представить мир Валерия Борисовича Голофаста (1941 — 2004), ленинградского / петербургского социолога III поколения. К этой когорте относятся советские / российские социологи, родившиеся в интервале 1935 — 1946 годов. Полтора десятилетия назад, когда на страницах «Телескопа» начинался мой историко-социологический проект, эта профессиональная общность на фоне наших учителей, коллег, друзей, представлявших два первых социологических поколения, в возрастном отношении была средней. Старшие из нас (я тоже отношусь к этой профессионально-возрастной страте) тогда недавно отметили 70 летие, младшие приближались к 60, теперь в нашем поколении уже немало 80-летних и нет никого моложе 70 лет. Сегодня, принимая во внимание тот факт, что в нашем сообществе осталось совсем мало действующих представителей двух первых социологических поколений, III когорты — фактически «старейшая» из активно работающих в науке. И каждый новый портрет представителя этой общности представляется мне крайне интересным.

Вторая цель — методолого-методическая, она подсказана информационной базой настоящей работы. Главное в этой статье — письма Валерия Голофаста. Наша электронная переписка состоялась в 2001-2004 годах и оборвалась со смертью Голофаста. Писем много, заголовок статьи объясняет, почему я привожу лишь написанное Голофастом, в некоторых случаях лишь даю необходимые для понимания содержания комментарии.

Биографические статьи о Голофасте — результат мысленных бесед с ним, его письма — след наших реальных разговоров.

Раздел 1. Мысленные беседы с Валерием Голофастом

С самого начал моего историко-социологического проекта в нем одновременно реализовывались два методологических подхода: макро— и микро-; они дополняли друг друга.

Микроподход — сводится к фокусированию внимания на биографиях конкретных социологов, сбору материалов о них и создании их «портретов». В одних случаях на выходе такой работы оказывается биографическая книга или статья, в других — комбинация моего текста и воспоминаний тех, кто знал героя моего изыскания. Хотя, следует понимать, что, по большому счету, граница между этими способами «портретирования» — не жесткая, при подготовке биографической статьи, тем более — книги всегда приходится опираться на мнения, воспоминания других людей о герое биографического повествования.

Макроподход реализуется через накопление интервью с российскими социологами, изучение этой информации предполагает поколенческий и межпоколенческий анализ.

Но эти два подхода можно различать и по иному принципу. Макроподходу отвечает личное интервью, осуществляемое в этом исследовании по электронной почте, микроподход — это, в первую очередь, пространство мысленного разговора. Здесь биограф, основываясь на известной ему информации об интересующем его человеке, задает вопросы себе и отвечает на них, соотносясь с образом своего героя. За прошедшие годы мною написаны книги о советских / российских социологах

Б.А. Грушине и В.А. Ядове, историке и социологе науки Б.Г. Кузнецове и серия статей об: А.Н. Алексееве, Г.С. Батыгине, В.Б. Голофасте, Т.И. Заславской, А.Г. Здравомысловом, Ю. А. Леваде, В.Э. Шляпентохе и других ученых. Всех их я знал, так что в моем мысленном с ними разговоре я видел их глаза, слышал их голоса.

Вместе с тем, в серии моих биографических текстов освещаются жизненные пути американских исследователей общественного мнения и создателей рекламы, с которыми я в принципе не мог быть знаком. В обоих случаях эти мысленные разговоры очень непросты, создание биографических текстов требует значительной исследовательской, поисковой работы и связано с большими эмоциональными нагрузками.

Это отчетливо понимал Голофаст, за два месяца до смерти, 26 сентября, он писал: «В культуре (а написание — это прямой перевод в культуру) человек становится почти бессмертным. Почти, поскольку были Тойнби, Шпенглер и прочие, которые спокойно принимали факт, что культуры смертны, как и личности. Пока я живу, я могу беседовать с Конфуцием или с Гэллпом. Как со своей мамой. Когда она далеко».

Данная статья — не первая моя попытка проанализировать жизненный путь В. Б. Голофаста, так что оправданно говорить: «тема не отпускает». Почему так происходит?

Здесь нет одной причины. Главная — потребность в про-

должении диалога с Голофастом, сложившегося в период нашей переписки. Диалог был настолько плотным, доверительным, а для меня — и эффективным, что он не мог оборваться со смертью Голофаста. Реальный диалог превратился в мысленный...

Вторая сквозная причина — историко-научно-исследовательская, она заключается в поиске механизмов социологического творчества. В последнее время мне представляется весьма плодотворной концепция биографичности творчества социологов, которая проявляется в выборе ими исследовательской проблематики, в тяготении к тем или иным методам анализа социальных процессов и собранной информации, а также в стиле, лексике, языке создаваемых ими текстов. Безусловно, биографичность проявляется по-разному в деятельности разных социологов и высвечивается по-разному в разные периоды их профессиональной активности.

Важно и то, что мера биографичности и характер ее проявления оказываются функциями многих макросоциальных факторов. Скажем, в обстоятельствах когда коллективное повсеместно доминирует над личным, когда в обществе есть государственная идеология и цензура, остается крайне мало простора для проявления биографичности. Так, в предпрестречный период в ленинградском Институте социально-экономических проблем АН СССР, в котором Голофаст и я работали, существовала многошаговая система контроля со стороны дирекции и партийного руководства Института за планированием тематики исследований и подготовкой текстов не только книг и статей, но даже тезисов для участия в региональных конференциях.

Заметная биографичность творчества Голофаста фиксировалась мною в раннее написанном, но сам термин «биографичность» не вводился; в такой парадигматике я не анализировал сделанное им и другими российскими социологами. Этот термин стал использоваться мною пять-шесть лет назад и был вскоре поддержан А. Н. Алексеевым. Я переслал ему письмо, написанное украинскому социологу Юрию Чернецкому, и на следующий день прочел его в «Колонке Андрея Алексеева» под данным им заголовком: «Биографичность как существенная черта социологического» [1].

К сожалению, одной из черт советской социологии была ее внебиографичность (или низкий уровень биографичности), в силу очевидных (и не совсем очевидных) обстоятельств социологи имели весьма ограниченные возможности говорить «от себя» и «своим языком». Дурно, т.е. ограниченно понимавшийся тезис об «объективности» научного знания, а также цензура и самоцензура, кроме всего прочего ограничивали жанр социологического повествования. Порождением застоя стали «коллективные монографии», их называли «братскими могилами», это было гениальное изобретение времени. Подобное коммунальным квартирам, где каждый должен был следить за каждым... тогда по определению, не могло быть таких книг А. Алексеева, как «Драматическая социология...» и «Профессия — социолог...». Перестройка дала российским социологам не только возможность изучать новые социальные процессы, использовать новые методы и обогатила жанр социологических текстов (например, появились этюды, эссе, письма...), она разрешила каждому говорить своим языком; внесла в социологическое творчество биографичность.

В творчестве Валерия Голофаста биографичность присутствует весьма заметно, я стал немного понимать сделанное им лишь в процессе перечитывания нашей переписки, т.е. по мере узнавания его жизни.

Третья причина — ввести в научный оборот часть нашей с Голофастом переписки и расширить его биографию тем, что он сам сказал о себе. Здесь хочется подчеркнуть один существенный момент природы эпистолярного текста. Если в методологии и организации моего биографического интервью респондент — «ведомый», хотя в определенной мере он сам зада-

ет повестку беседы, то в переписке нет — во всяком случае, в нашей — не было четкого ролевого разделения на «ведущего» и «ведомого». Эти роли постоянно менялись. Фрагменты писем приводились уже в моей первой статье о Голофасте десятилетней давности [2], но здесь их значительно больше, а значит, в них полнее виден их автор.

Названные и другие причины, в целом вытекающие из задач и логики развития моего многолетнего историко-социологического проекта, детерминировали содержание предыдущих текстов о Голофасте и, должен заметить, работа над его биографией в свою очередь стала импульсом для написания значительного числа биографических текстов о советских / российских социологах разных поколений.

Первая попытка анализа биографии и творчества Голофаста представлена в некрологе, написанном мною 8 декабря 2004 г., непосредственно после получения от Оксаны Голофаст сообщение о смерти ее отца. Конечно, в такие минуты не думаешь об аналитике, однако, очевидно, что в такие моменты стремишься максимально сжать всю информацию и все впечатление об ушедшем человеке, чтобы кратко передать свое отношение к нему. Приведу фрагменты этого текста [3], уже в нем явно присутствуют элементы анализа сделанного им и его личности:

«Первая половина 1980-х была очень трудным, горьким временем для ленинградской социологии. В Институте социально-экономических проблем АН СССР, в котором мы тогда работали, культура семинаров выродилась полностью, идеология в ее самой примитивной форме ограничивала и предмет обсуждений, многообразие разрешенных для высказывания точек зрения и способов аргументации. Публиковаться было нелегко, но если даже такая возможность открывалась, понимание невозможности излагать то, что хотелось, делало эти публикации бессмысленными. Мы почти ничего тогда не публиковали...

В тех условиях научная жизнь была возможной лишь в семинарах-беседах... и лучшим местом для этих бесед была комната, в которой размещался сектор Голофаста... приходил, выискивал стул, брал стакан чаю, и многое отступало... я помню до сих пор это чувство нежелания прекращать обсуждения... ведь, по-сути, это было возвращением из мира социальных грез в мир социальных реалий...

Четверть века назад была опубликована небольшая книга Голофаста «Методологический анализ в социальном исследовании», детали некоторых его теоретических построений уже забылись, но во мне хранится ощущение эмоциональной приподнятости, возникавшее при чтении этой книги. Так, как писал Голофаст, дано немногим...

Была у Голофаста в отношении к социуму некая черта, свойственная ученым тех далеких эпох, когда они вынуждены были знать все и когда они действительно все знали... Как назвать ее? Затрудняюсь ответить... может быть, удивление конструктивностью мира... Голофаст очень любил механические часы... ему нравилось их разбирать, изучать, ремонтировать... видимо, в эти моменты ему хорошо думалось...

В последние годы мы несколько раз виделись в Петербурге, виделись недавно, в июне... незадолго до поездки я спросил Голофаста, что ему привезти... ответ был оглушительно неожиданным, он попросил привезти Тору на хибру и английском языке [БД: см.; от 30 мая 2004]... я привез и передал ему солидный том... через пару дней он сказал мне, что комментарии в этом издании его удивили, в какой-то другой книге было иначе».

Конец 2004 г., когда писался некролог, был кратким периодом предначала моего изучения истории советской / российской социологии. Пять первых лет жизни в Америке не имели вообще никакого соприкосновения с социологией, а когда в 1999 г. я начал возвращаться в профессию, моим исследовательским полем стала история возникновения технологии оп-

росов общественного мнения в США и деятельность отцов-основателей этого научного направления. Я был знаком с книгой «Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах», вышедшей под редакцией Г.С. Батыгина в 1999 г., но ничего больше по истории советской / российской социологии не читал. На тот момент вся моя работа по истории отечественной социологии была представлена в двух публикациях в журнале «Телескоп». Написанной в опоре на опыт изучения биографий американских исследователей общественного мнения статьи о Б.А. Грушине (2004, №4) и небольшой заметки «История есть, только если она написана» (2004, №5). Она писалась быстро и на ощупь, просто необходимо было высказаться, а далее все развивалось так, что данная заметка фактически стала программой всего моего проекта. И сейчас для меня важно отметить, что за помощь в этой работе я благодарил трех человек: Валерия Голофаства, Леонида Кесельмана и Бориса Фирсова.

Следующим — еще не целевым, но обусловленным важным обстоятельством — погружением в биографию Голофаства, является анализ ситуации, возникшей в ИСЭП АН СССР накануне перестройки. Речь шла о запрете публикации очередного сборника материалов, отражавших движение многолетнего советско-венгерского сотрудничества по теме «Массовая коммуникация в социалистическом обществе», руководителем которого с советской стороны был Б.М. Фирсов. Молодому читателю многое в той ситуации покажется странным, неправдоподобным, но так было. Советских авторов сборника обвинили в серьезных идеологических ошибках, рукопись книги отклонили и зарубили успешно развивавшийся международный проект. Одним из главных обвиняемых был В.Б. Голофаств («Телескоп», 2005, №6).

Как теперь видно, 2007 г. оказался весьма заметным на траектории развития историко-социологического исследования. В течение 2005–2007 гг. было проведено полтора десятка интервью, написаны первые историко-биографические статьи и обозначились некоторые методологические координаты работы. Более того, у меня складывалось впечатление о близком завершении исследования — маячившие в обозримом будущем два десятка интервью с отечественными социологами казались тогда эмпирической базой, вполне достаточной для общего анализа просуммированных задач. Сделанное за первые два года было просуммировано в пространной статье «Биографии для истории» («Телескоп», 2007, №1), в которой обсуждался комплекс вопросов о месте биографической информации в воссоздании истории советской социологии. В частности, были выделены два главных исследовательских направления, или две системообразующие линии изучения прошлого: «история в биографиях» и «биографии в истории». Первое — это то, что можно узнать о становлении и развитии социологии из рассказов очевидцев: какие события профессионального плана они вспоминают, как они их оценивают, каким образом они сегодня, по прошествии десятилетий, видят те события и процессы. Второе — включает в себя изучение того, как история страны отражена, представлена в биографиях социологов, какие социально-политические и иные реалии определяли их жизнь, что формировало их гражданские установки и профессиональные воззрения. Таким образом, уже тогда было обозначены нити, связывающие «общую» историю (историю страны, общества) и «специальную», т.е. историю советской социологии.

Закончив этот текст я определился с темой заметки для «Социологических чтений памяти В. Б. Голофаства», состоявшихся 23–25 марта 2007 г. в Петербурге. То была первая попытка целевой работы над биографией Голофаства; однако, раздумывать было некогда, до конференции оставалось несколько дней. В моем электронном дневнике, в котором я стараюсь ежедневно фиксировать сделанное, 18 марта 2007 г. записано: «За день написал текст для чтений памяти Валерия Голофаства. Использовал его стихи». В теоретическом плане это было сле-

дование только что законченной статьи «Биографии для истории», отсюда и название тезисов «История в биографии и биография в истории» [4]. Присутствие в статье собственно «голофастовской» темы отражалось в трех компонентах: 1) в цитировании его письма мне от 11 июля 2003 г., ставшего для меня ключевым в понимании многого в жизни и творчестве Голофаства; 2) в рассмотрении словесного «портрета» 20-летнего Валерия, сделанного его другом тех лет Константином Кузьминским и 3) в том, что я рискнул включить в текст — задумывавшийся все же как академический — стихи Голофаства. Время показало: это был шаг в нужном направлении, а точнее, теперь ясно, что фактически и нельзя было не сделать этого шага. Почему, почему.

Константин Константинович Кузьминский (1940–2015) — человек-легенда, один из героев ленинградского литературного андергаунда конца 1950-х — начала 1960-х, обладал феноменальной памятью на стихи. Его считают одним из первых, кто осознал значение неофициальной культуры и понял необходимость ее внимательного изучения и сохранения. Я ответил Валерию, что не был знаком с Кузьминским, но одно время мы принадлежали к пересекающимся дружеским компаниям. После смерти Валерия я нашел электронный адрес Кузьминского и написал ему. Он ответил, что считает стихи Голофаства гениальными, и указал сайт, на котором расположены его воспоминания о Валерии и несколько его стихотворений. Приведу крошечный фрагмент из воспоминаний Кузьминского, как мне представляется, чрезвычайно важный для понимания Голофаства не просто как социолога, но и как представителя одного из типов социологов третьего поколения: «...стихи, с которыми он пришел, были — уже — написаны мастером. Блестящий классический стиль, философичность — вот философичность, по-моему, Голофаства и подкосила. Его стихи стали переходить в прозу, в философское размышление. <...> Хорошо, что Голофаства не напечатали. Тогда ему было бы еще хуже. Человек он был серьезный, положительный, и в своем процессе становления советским писателем — дошел бы до полного самоотрицания. А так — хоть подышал. <...> Голофаства я встретил перед отъездом в «Сайгоне», поблекшего, усталого и голодного. <...> И сейчас мне грустно: какого поэта я потерял, или он — потерял сам себя? Кто теперь скажет? И не только поэта, но и все его рукописи. <...> Но ощущение большого знания — у меня осталось надолго. Был он умнее всех нас. Что стало с человеком? Куда и почему он пошел?» [5].

Приведу отклик А.Н. Алексеева на этот текст, полученный от него через день после окончания работы и рассылки ее друзьям:

«Дорогой Борис!

Спасибо за «материалы к чтениям памяти Голофаства». Вскоре за тем я получил их и от Лени [БД: Л. Е. Кесельман]:

Не подумай, что «кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку». Но этот твой текст мне очень люб.

Во-первых, Ты, наконец, решился впервые (повод достойный!) употребить свое заветное название — «История в биографиях и биографии в истории». И кратко изложил смысл всех четырех твоих взаимопересекающихся проектов <...>.

Во-вторых, эксклюзивный материал о Валерии — и фрагменты вашей переписки, и замечательное воспоминание К. Кузьминского, и уцелевшие стихи Валерия (действительно прекрасные!). Какая-то удивительная интрига в этом сюжете <...>.

И, наконец, в-третьих: особая интонация этого и некоторых других твоих текстов последнего времени, которая, похоже, дает начало небывалому жанру — лирической социологии. То, что именно Тебе суждено его создавать — не случайно, ввиду твоих занятий «биографиями в истории и историей в биографиях». Радуюсь.

Это монотематическое письмо я рассылаю также и «Ближнему кругу». Ведь все они обеспечены твоим публичным

эссе. Почему бы им не получить и мой полупубличный отклик на него?

А каков Сережа Рапопорт [БД: С. С. Рапопорт (1934-2017)] со своим «частным человеком Валерием Голофастом» как ценностью культуры. Как всегда, глубоко и бесконечно изыщен. Вообще Голофасту повезло с воспоминателями и интерпретаторами. Впрочем, и сам в том «виноват».

*Твой Андр. Ал.
21.03.2007».*

Через восемь лет я нашел это письмо и отправил текст Алексею. Он вспомнил, что использовал термины «лирическая», или «личностная» социология и применительно к моим более поздним работам разного жанра [6]. Но почему термин «лирическая» социология возник у него при чтении краткого эссе о Голофасте и почему «эта струя» не оборвалась? Думается, что первично стремление связать историю социологии и биографии социологов через концепцию «История в биографиях и биографии в истории». Она оказалась плодотворной.

В конце года была опубликована статья: «Галина Старовойтова. Фрагменты истории российской социологии как истории с «человеческим лицом»» (Телескоп, 2007. № 6). В статье был предложен общий подход к анализу биографий — через принадлежность к социологическому поколению, обозначена установка на поиск социо-культурных факторов, формировавших интерес человека к познанию социального, и заявлена установка на создание истории с «человеческим лицом». Отмечалось наличие ряда аргументов в пользу подобной исследовательской ориентации и подчеркивалось, что при таком акцентировании поисковых целей главным оказывается человек, его личность, его творчество. Такой подход трактовался как мягкая альтернатива институциональному видению истории, в которой социология, прежде всего, — институт.

Выбор Галины Старовойтовой в качестве героя первой биографической статьи, отражающей поколенческую стратификацию российского социологического сообщества, не был случайным. Старовойтову — политика, политического исследователя, антрополога и социолога не нужно было представлять будущим читателям, кроме того в сети была разнообразная информация о ней, и я мог обратиться за помощью к ее сестре — Ольге Старовойтовой и друзьям Галины. Конечно же, выбор был обусловлен и тем, что мы — из одного социологического поколения и были знакомы.

После завершения статьи о Старовойтовой я понимал, что это было лишь началом разработки общих принципов анализа биографий в целях изучения истории российской социологии, и менее чем через полгода была подготовлена и опубликована статья «Валерий Голофастан. Фрагменты истории российской социологии как истории с «человеческим лицом» [2]. Из заголовка видно родство статей; источниками биографической информации здесь были коллеги и друзья Валерия, его брат.

Поскольку к тому времени из переписки с Голофастом я знал о его ранних литературных устремлениях, о его учебе на филологическом факультете ЛГУ и его дружбе с Константином Кузьминским, я попытался мысленно увидеть Валерия в той художественной атмосфере, в среде молодых ленинградских поэтов того времени. Среда эта была явно незаурядная, о людях того круга сейчас уже многое сказано, потому в общих чертах можно составить представление о ней. Ленинград второй половины 1950-х — 1960-х годов был городом, в котором, несмотря на многие идеологические барьеры и бытовые проблемы, существовала активная литературная жизнь, существовал ряд литературных объединений и неформальных групп, объединявших молодых прозаиков, поэтов и художников близких творческих ориентаций и политико-гражданских установок. Достаточно сказать, что именно в той среде формировались Иосиф Бродский и Дмитрий Бобышев, Анатолий Найман и Евгений Рейн, Виктор Кривулин, Виктор Соснора и ряд других поэтов, несколько позже в значительной степени опреде-

ливших общий уровень современной российской поэзии. «Подсказка» Константина Кузьминского делала необходимым осваивать это социокультурное пространство. Я не предполагаю писать о нем, но знать его надо.

Статья получилась многослойной, историко-социологической и культурологической, удалось слегка продвинуться и собственно в понимании истории советской социологии. И, конечно же, я пытался развивать тот стиль анализа истории и биографий, который А. Алексеев охарактеризовал как «лирический», или «личностный». Привожу с некоторыми сокращениями письмо Б.М. Фирсова (7 марта 2008) с анализом этой статьи:

«...Прочел, не отрываясь, рассказ о Валерии Голофасте. Читая, испытывал щемящую душу печаль по этому человеку (хотя мы не были друзьями). Рассказ поучителен по одной важной причине — читатель должен знать, какие редкостные люди томнились в клетках советской социологии и уходили из жизни, не приблизившись к воплощению своих идеалов. Невостребованность таланта и способностей — вот причина страданий Валерия, которые он тщательно скрывал, а мы делали вид, что их не замечаем.

Сильная сторона повести о Валерии — пересечения с мирами других малоизвестных «среднему социологу» людей — Борисов, Кузьминский, Александров (так и тянет произвести археологический раскоп с целью обнаружить следы первобытной советской социологии). Стихи Валерия, письма его к тебе и другим, очень тонкие штрихи повседневности Валерия — все это делает его портрет настолько рельефным, что не хочется читать про то, как он задумывался о критике социальной жизни. Понятно, что сам он был вовсе не из той жизни, что окружала и давила на него. <...>

*Крепко ты нас запомнил. Спасибо!
Твой БФ»*

В том же году сокращенный вариант этой статьи под заголовком «Валерий Голофастан. Независимый ум» был опубликован в московском журнале «Социальная реальность» (2008. № 3). Заголовок этот — переключка с последней фразой из последнего письма Голофастан. 6 декабря он писал о мультикультурализме, о том, что с 1 января 2005 года — монетизация льгот и потом заметил: «Все это поверх людей». И как всегда — без перехода: «Совсем о другом. Читал ли ты когда-нибудь Люиса Мамфорда? Я пропустил здесь издание его книг, придется искать в библиотеках. Я когда-то читал, но мало, статьи. Он — философствующий историк. Любимый жанр. Очень независимый ум, вроде».

В 2011 году по случаю 70-летия Валерия Голофастан и помня, что он был большим любителем радио, в частности, регулярно слушал «Свободу», 19 августа я рассказал немного о нем для аудитории этого канала. Передача называлась «Социолог Валерий Голофастан: «Мне нужна интеллектуальная свобода внутри и вовне»», и это название тоже было навеяно нашей перепиской [7].

И далее как в романе, через две недели, 2 сентября 2011 года, я получаю электронное письмо:

«Здравствуй уважаемый Борис (к сожалению, не знаю Вашего отчества). Случайно обнаружила в интернете Вашу статью о Валерии Голофастане (Валерий Голофастан. Фрагменты истории российской социологии как истории с «человеческим лицом»).

Я была знакома с Валерием Голофастаном, а также с Владимиром Трякинским и Маратом Бузским, когда жила в Днепрпетровске и училась в той же школе (СШ №100), что и они. Посещала вместе с ними также литературно-творческую студию под руководством Эдуарда Ефремовича Флинка. <...>

Меня зовут Нина Викторовна Галушко. Я живу в Дании, в Копенгагене. Официально мое имя в Дании — Nina Larsen.

С уважением, Нина Ларсен

Так неожиданно произошла еще одна моя встреча с Голофастаном. Названные Ниной Ларсен Владимир Трякин и Марат Бу-

зовский были известны мне, их воспоминания использовались в названной статье. Наше общение с Ниной развивалось стремительно. Кто-то может с сомнением отнестись к тому факту, что два человека, никогда не слышавшие друг о друге, в течение одного дня — по-московскому времени это было 2 сентября — обменялись шестью письмами. Но было именно так. Два обстоятельства объясняют такую необычную эпистолярную активность: высокий интерес корреспондентов к тематике, объединившей их, и девяти часовое различие во времени между Копенгагеном и Сан-Франциско, где они проживают. Образовались «длинные сутки», в которые можно было успеть многое сделать. За две недели мы обменялись 16 письмами, в которых Нина рассказала о юношеской жизни Голофаства и вспомнила его стихи того периода.

Ее письма были очень личностными, вот фрагмент одного из них:

«Вчера вечером ещё всплыло несколько строчек. Валерьевых.

«На улице — сумятица / Зима нашла занятые...»

Дальше я не помню. Но из того же стихотворения вот ещё четыре строчки:

«...И чьи-то чудо-пальцы / Наигрывают стансы

На проводах фонарных, / Как на струнах гитарных...»

Факт, когда их произносишь, возникает чувство смакования.

Давайте, Борис, сделаем так. Вы предложили мне написать что-нибудь о себе. О себе писать, вы сами знаете, сложнее, чем о ком-нибудь. Мне проще было бы ответить на какие-либо вопросы.

А о Валерии — мне нужна ночная тишина.

Итогом этой переписки стала наша общая статья: «В нем всегда присутствовала «дисциплина текста» [8], в которой приведены все письма. Об использованном в заголовке статьи понятии «дисциплины» поэтического текста много и обстоятельно рассуждал Иосиф Бродский, рассказывая о природе и технологии своей работы. Я не хочу дать и намека на сравнение стихов Бродского и Голофаства, даже имея в виду начало 60-х, но будет оправданно говорить, что в указанное время они оба принадлежали к относительно небольшой группе молодых ленинградских поэтов, которых не печатали и которые в своих бесконечных спорах обсуждали законы — не менее — мироздания и стихосложения.

Протицирую еще раз Константина Кузьминского: «По критериям Бродского, кроме него, Уфлянда, да еще, может быть, Рейна, в антологии никого не останется. У меня другие критерии. Голофаств. Он тоже входил в нашу «школу», хотя не был биологом. А филологом» [5].

Уже в некрологе, написанном когда наша переписка еще не была упорядочена, да и времени для ее изучения не было, я заметил по поводу небольшой социологической книги Голофаства, что забылись детали его теоретических рассуждений, но «хранится ощущение эмоциональной приподнятости, возникшее при чтении этой книги. Так, как писал Голофаств, дано немногим...». В 1981 году, когда вышла его книга, я не знал о поэтическом прошлом Валерия, но почувствовал, испытал на себе, особость его стиля. Настолько сильно было это чувство, что и через четверть века, когда писал прощальный текст, отразил пережитое. И в названном выше выступлении на «Радио Свобода» я в точности повторил слова об уникальности письма Валерия и добавил: «Думаю, в нем всегда сохранялась «дисциплина текста», присущая людям поэзии. Голофаств задумывался не только о том, что сказать о социуме, но был сконцентрирован и на мысли о том, как выразить итоги своих размышлений. 1 ноября 2004 года, за месяц до смерти он писал мне: «А меня вот тянет на афоризмы почти. Я тут начал один маленький-маленький текстик. Но его тоже трудно продолжать без читателей».

Мой последний небольшой материал, синтезирующий на-

писанное о Голофастве ранее и вводящий новые подходы к анализу его биографии, был размещен А. Алексеевым на портале «Когита.Ру» 2 июля 2017 года. Для меня крайне важно заметить, что он стал эхом моей поездки в Петербург. Во введении к ней сказано, что данный пост — продолжение моих исследований истории российской социологии и биографий ее создателей. Такова рациональная составляющая текста, а эмоциональная — романтика встречи с Петербургом, в котором я не был почти четыре года, и дорогими мне людьми. Все проходило в бесконечно знакомом мне пространстве между Невой и ул. Пестеля, между Таврическим парком и Летним садом в период «Белых ночей». И все это связывается ностальгической мелодией довоенной песни «Сиреневый туман над нами проплывает...», ненавязчиво звучавшей в одном из небольших кафе в начале Литейного проспекта [9]. Нам не дано понять тонкие психологические механизмы ассоциаций, рефлексий, но вскоре после возвращения из России пришло четкое осознание многожанровости историко-социологического исследования, проводимого в моем формате.

Интуитивно стремление к многожанровости ощущается при работе над текстами разной направленности. Журнальные статьи и книги требуют следования академическим традициям, юбилеи людей, внесших заметный вклад в развитие социологии, дают импульс к поиску более свободного языка, грустные события в жизни нашего сообщества отражаются в некрологах. Но все это — разновидности текстов по истории отечественной социологии, и все вместе превращается в больших размеров мозаичное панно из разноцветных и разноформатных плиток, швы между которыми лишь слегка зашлифованы.

Однако лишь относительно недавно пришло осознание многожанровости историко-социологического исследования в качестве его естественного атрибута, или, по мнению Алексева, императива.

Возможно, это в меньшей степени ощущают историки, социологи науки в целом, изучающие далекое прошлое. Многие герои их исследований умерли задолго до их рождения. Но почему-то Валерий Голофаств, видевший лишь начало моей работы над биографиями первых американских исследователей общественного мнения и выдающихся американских копирайтеров, сразу обратил мое внимание на особенности моего предмета и характера историко-социологических поисков. 23 января 2004 г. он писал мне: «...ты работаешь на грани литературы. Посему будь пост-постмодернистом, смело делай любые коллажи из любых вариантов и кусков». Жалко, что мы не обсудили этот его совет.

Итак, за прошедшие годы я неоднократно возвращался к анализу биографии Валерия Голофаства. Наша мысленная беседа не прерывалась, она продолжается.

Раздел 2. Письма Валерия Голофаства. Избранное

Я не помню, когда и как началась наша переписка с Валерием Голофаством, ясно одно, осенью 2001 г. мы уже переписывались. В моем архиве хранится письмо Голофаству от 24 октября 2001 г., оно начинается словами: «Ты знаешь, Валера, во время твоих украинских каникул я обнаружил некоторые новые факты о процессе становления опросов общественного мнения. Но поскольку все взаимосвязано, то и в культуре изучения и понимания общественного мнения». Значит, я знал, что Голофаств был в Украине, он знал о моих исследованиях по истории изучения общественного мнения в США. Первое сохранившееся электронное письмо Голофаства датировано 16 ноября 2001 г.: «Слышал твоё, полное энтузиазма и хороших профессиональных деталей, выступление по «Свободе» вместе со Шляпом [БД: В.Э. Шляпентох], Кеном, младшим Гэллапом [БД: George Gallup, Jr] и др. Здорово, ты Шляпа даже переплюнул, это многого стоит. Привет, В». Речь здесь идет о дискуссии на Радио «Свобода».

Обстоятельства жизни моей семьи в 2002 г. не оставляли

мне возможности ни для работы, ни для переписки. Но, возможно, в конце 2002 или в начале 2003 года наша переписка возобновилась. Сохранились два письма от 9 февраля 2003 г.; мое — долгое, начинающееся словами: «Я помню, Валера, что обещал написать. Мне, действительно, не хватает нашего общения. Но вот так случилось, что 21 января я должен был быть в Питере, но сорвалось». Обстоятельным было и письмо Голофаства.

Настоящая статья — продолжение изучения биографии Голофаства, потому привожу ниже только его письма. В силу ограниченности объема журнальной статьи публикую лишь 32 письма из имеющихся в моем архиве — 294 писем Голофаства, написанных им в 2003-2004 гг. Уверен, по мере чтения старых файлов, в них еще найдутся следы нашей переписки.

Чем была вызвана столь высокая эпистолярная активность? Выше я не сказал о причине, но указал на само обстоятельство — нехватка общения. Тогда я воспринимал это как катастрофу. Валерий, по-видимому, это ощущал, но одновременно он, скорее всего, видел во мне собеседника для обсуждения многого, что копилось в нем. Он понимал, что я был готов слушать его внимательнее, чем пространственно и духовно более близкие люди...

Конечно, три десятка писем — весьма ограниченный по объему информационный массив. Но медленное чтение даже этих писем говорит многое о Голофастве. Прежде всего, о широте его интересов, о его включенности в текущую жизнь и стремлении к историчности видения происходящего, времени юности. Ключевыми в приводимой коллекции являются письма №№ 6, 9, 12, 19, 22, 30, уже они много говорят о личном и профессиональном мирах Голофаства. И я нередко задумываюсь о содержании письма №32 (6 декабря 2004 г.); оно — последнее в нашей переписке. 8 декабря Валерия Голофаства не стало.

И непременно скажу: за два года, вместившие в себя три сотни писем, Голофаств ни разу не говорил о своих или чужих стихах, ни разу ни цитировал поэтические строки. Это и есть иллюстрация утверждения из Письма №29: «Я тут сказал одной девушке, знаешь, можно ведь сейчас завернуть за угол, и уйти совсем в другие края, не возвращаясь... Я пару раз в жизни так делал. Правда, в другом возрасте».

Письмо №1. В. Голофаств — Б. Докторову. 9 февраля 2003 г.

<...> Как ты знаешь я когда-то, сугубо дилетантски, чуть коснулся истории социологии (семьи) в Америке. И первое же впечатление, которое потом многократно подтверждалось, что это страна с усеченной историей, но... И в этом то вся прелесть. Истоки — известны (частью письменно, частью в легендах, частью в пересказах). И пересказы очень важны, свидетельства, письма, дневники. Все начало истории было уже в письменный период, да еще религиозная смесь этому способствовала. Морфоны и штат Юта (много позже) подстегнули и остальных на поиски генеалогических корней, каталогов и пр. Потом раскол гражданской войны. И много чего еще. Из короткой истории американцы сделали культ. Чтобы выигрывало выглядеть перед всеми новыми мигрантами тоже. Очень важная черта — о которой ты со страстью пишешь — это восхождение и снижение статуса целых этнических или локальных групп, маркированное успехами их представителей, символических героев или легендарных предков, которые, однако, все реальные, хотя и чуть надуты усиленным вниманием. Внимание к личности в таких условиях нормально, как и к небольшим общинам. Итог — напряженное историческое и личное самосознание. Этого теперь нет даже в старой Европе. А у нас — в СССР, России и пр. — травилось и травилось весь XX век. Ты, думаю, знаешь, что во многих сельских районах России (но не Украины, Кавказа или Балтии) фамилии появились после 1861 года (одна-две на всю деревню, бывало). Как у рабов в Америке. То есть, в России смесь

(с отставанием) длинной и короткой истории.

Я только недавно осознал, что бюрократия в России — не от Пруссии, а от Византии. Помогло понимание длинной истории государства вообще в соц. теории, — короткая была замешана на ошибочных классовых теориях. Вообще (это на полях), принятая версия социологии (от французов, включая социалистов и Маркса) редуционистская (статус, власть, борьба). Культурная теория много шире, и сейчас она набирает силу, в Европе, но, может, и в США.

Вернусь. Твои корреспонденты — это было ясно во время твоего доклада здесь — фантастически отзывчивы. Конечно, они благополучны в старости, но они жили напряженной и интересной — средний класс — биографической жизнью или были ориентированы на такие образцы, они у них перед глазами, они понимают значение вовремя поданной интеллектуальной помощи или просто поддержки. Во всяком случае, так я читаю твои возбуждение и эмоции от твоего включения в сети американской памяти. <...>

Как же ты отмахал миллион? Не забудь, что в традициях американского письма и редактуре — внешняя оформленность текста. Этим американские издатели могут гордиться перед всем миром. Успеха, привет, В.

Письмо №2. В. Голофаств — Б. Докторову. 19 апреля 2003 г.

<...> И все же на твои вопросы. Делиберативное — по русски никаких ассоциаций и не в жилу фонетически. Обогащенное — понятнее концептуально. И, говоря вообще, сойдет. Тем более. что сокращение красивое ООМ. Но есть проблема — слишком похоже на манипуляцию, которой теперь полно. То есть, как бы вытиснить в пояснениях плюрализм, изысканность, экспертность и пр. Сегодня есть возражения (в Европе) против господства экспертов, подозрительности их позиций, продажности и пр. Так что сам проект не так уж и наивен. На ТВ в России куча имитаций таких процедур. Предполагается, что в интернете человек свободнее, но это не доказуемо и не аргументировано. Хотя идею я, безусловно, поддерживаю. И с общим твоим построением согласен. Просто Россия полна подозрений относительно демократий, разных. Здесь нет веры в политику. И даже в «свободную мысль». Но, может, это и пройдет. <...>

Пиши, я все время на проводе. В.

Письмо №3. В. Голофаств — Б. Докторову. 25 апреля 2003 г.

Борис, твоя основная идея, а именно, поддержка этнической однородности со стороны приватной и неформальной сферы «своих», мне, конечно, понятна. Тем более мне важны все твои наблюдения в принципиально мигрантской среде Калифорнии. Знаешь, я теперь без осуждения смотрю на опыт «советского народа». Идеологическая часть интернационализма была примитивна и неуклюжа, ибо, якобы, была построена на классовой основе. Но это, скорее, в эпоху Ленина и немало позднее. Тогда, после первой мировой войны, сходные идеи были в ходу не только в Европе, но и на других континентах (Англия, Латинская Америка, Индия и пр.). Европоцентризм и колониализм в конце концов потеряли всю свою привлекательность. Сошел на нет и интернационализм марксистского толка. А практика шла своим ходом. И тем не менее я нахожу в опыте сосуществования разных этносов в СССР и в Калифорнии больше общего, чем обычно считается. В СССР была значительная свобода передвижения внутри страны и довольно высокая терпимость к этническим проявлениям при общем зонтике русского языка и внешней дисциплине лояльности к официозу. К Калифорнии не все это относится с теми же формулировками. Нужно бы оценить свободу выбора работы, учебы, места жительства, последствия невладения или отказа от официального языка или манер приемлемости поведения (политкорректности), установки на «оставьте меня в покое», но это уже эмпирические дета-

ли, а не принципы. Нынешние теории смотрят на релятивизацию этничности по крайней мере с двух сторон — сверху, от государства, и снизу, от семьи и пр. Аспект «сверху» относительно нов, и теперь он меняется быстрее. Особняком для меня важны не бытовые вещи, а положение наук и специалистов разных сортов. Они первые выходят из-под протектората государства и своего этноса. В этом я вижу переосмысление традиционного взгляда на вещи. В любом случае, спасибо за комментарий. Привет, пиши, В.

Письмо №4. В. Голофаст — Б. Докторову. 2 июня 2003

В таких случаях всегда восклицаешь: не может быть... Божков [БД: О. Б. Божков, социолог] с ним говорил в Москве всего несколько дней назад. А только два дня назад я прочел 4 номер за прошлый год, который Гена [БД: Г.С. Батыгин (1951-2003), социолог] прислал. Круг сужается. Ты ведь знаешь ощущение — вокруг много незнакомых людей. Пока, В.

Письмо №5. В. Голофаст — Б. Докторову. 11 июня 2003 г.

Не знаю, что тебе изложил Сережа [БД: С.В. Чесноков, социолог]. Но вот версия Божкова. В 1984 году у него был первый инфаркт. Мама педиатр. Она его выходила. Но через несколько лет был второй приступ — не подтвердившийся инфаркт. Он был или стал фанатом велосипеда. По утрам проезжал свои 15 километров вместо зарядки. Я когда-то тоже был шосейником. Объездил пол Украины. На шоссе самое трудное это ехать в группе. Группа задает дисциплину и норму движения, но всегда есть сорванцы, которые ее сбивают. У них (вчетвером) был проект поехать по Европе на великах. Были готовы уже визы, билеты и пр. Поехали в Серпухово на последнюю тренировку. На 70 км. он упал. Проходящие машины не останавливались. По мобильнику вызвали скорую. Пытались делать иск. дыхание, думали просто потерял сознание (это бывает от жары и солевого режима). Потом взяла какая-то большая машина, но до клиники не довезли. <...>

Ладно, привет, В.

Письмо №6. В. Голофаст — Б. Докторову. 11 июля 2003 г.

На филфаке я учился в 1960-65. Когда я приехал в Л-д, у меня еще был поэтический период. В 60-61 годах я знал всех, кто был активен в студиях, на вечерах в кафе, сам выступал в них и в кинотеатрах. Но потом резко ушел из этой среды. Может быть ты слышал про Костю Кузьминского (он теперь в США), мы были друзьями, и я частенько ночевал у него дома на бульваре Профсоюзков. Ушел по личным мотивам — меня завалили по языку — а это было хана пребыванию в Л-де. Пришлось мобилизоваться. А в этом процессе я стал искать другие интересы.

Почему не пишут? Это вопрос рельефа, как я привык думать. Люди вроде Андрея Алексева [БД: А.Н. Алексеев (1934-2017), социолог] здесь редки и считаются слегка тюкнувшими. Страсти человека должны быть влечены в страсти других, это требует не столько личной эмпатии, сколько понимания социальной ценности быта и личного, межличного тож. Но на фоне культурного процесса, который тоже в значительной части личный. Многие ли женщины и мужчины пишут истории своих любовей (это тайно личное, межличное). Только те решаются, кто забирается на культурный олимп. Тут приезжала на днях американская дочь Маяковского, Джессика Стивенсон. Мать перед смертью надиктовала пленки, которые сейчас изданы и бесспорны, вышли из области мифов и дозодок. Дочь везде называла себя Елена Владимировна, в Москве жила на площади папы.

Замечу, что всегда идет спор, как в Греции, где же он — Олимп. А боги живут повсюду.

Довлатов стал известен много позже университета, но при случае спрощу сокурсников. Татьяна Толстая тоже из тех же коридоров, но училась много позже меня. Мы с ней общались, но не по этому поводу как-то в Нью-Джерси. Личное

зависит от угла зрения, контекста. Личного в культуре слишком много, поэтому оно так избирательно, на него выходят немногие, мне кажется.

Я сейчас болею тем, что я называю кризисом европейской модели человека. И читаю про Индию, Китай, Японию, нужно бы про Африку, Лат Америку или, скажем, Квебек, Исландию или наших северных и южных народов. Один чудак из Переделкино (я там никогда не был) много лет ведет такую программу сравнения разных культур (но он литературовед и балканист, куча публикаций, Георгий Гачев). Это для себя, ибо необязательно, для многих десятилетий. Как может эта темка стать личной? Может, но... <...>

Еще раз, это здорово. Привет, В.

Письмо №7. В. Голофаст — Б. Докторову. 24 ноября 2003 г.

Боря, я в восхищении от кипения твоей жизни. Знаешь, ты имеешь многие преимущества перед многими из твоих бывших и нынешних коллег — не разбрасываешься и гнешь свою линию. Такая последовательность меня восхищает. Плевать на другие сложности жизни. Есть ведь вещи, которые живут в своем контексте — и это замечательно.

Спасибо за большие письма, а то я уже начал скучать. Никуда я не ездил, просто мои письма к тебе не проходили. <...>

Теперь о «Человек и его работа». Не знал, что они ее переиздали, но правильно. Взрыв промсоциологии еще впереди, как только промышленники станут думать о стабильности и качестве своих кадров, и о социальной политике вокруг. На этом и держалась когда-то социология индустриального общества. А теперь (пока) общество торговое. Смотрел недавно материалы Европейской соц. конференции, что была в Испании в сентябре, куда я так и не поехал (из-за денег). Куча материалов об обществе знания, в самых разных ключах и поворотах. Но эта тема для хай-тек зон и для мегаполисов, а в провинции — все также промсоциология должна быть (включая и агросоциологию или миграции, этносы и пр.). Это основные прикладные вопросы.

А общество знания — это и история мысли, исследований, пионеров — то есть твоя тема.

<...> Про биографии книжку не видел. Но это не удивительно, многие книги теперь в продаже не видны, случайны, тиражи крохотные, торговая сеть очень странная, без каталогов, и с псевдокмьютерными базами запасов. Но утешение, что в Петербурге и на Украине я видел одни и те же сети магазинов книжных, с примерно одним же списком книг. Но доминируют коммерческие серии. Спецмагазины очень уяли, вроде старой Академкниги, Политиздата и пр. Особенно жаль учительские магазины и лавки с учебной литературой для школьников и подростков. Говорят, теперь массовые библиотеки забиты этими категориями читателей. Студент же становится клиентом интернета. Но ботатый студент. Трезвые оценки населения интернета пока не радуют.

Один посторонний вопрос. Не попадались ли тебе в англоязычном мире интересные тексты про виртуальную реальность? Или про виртуальность вообще. Выясняется, что виртуальность была нужна святому Августину для объяснения не прекращающегося акта творения в окружающем мире: как из зернышка вырастает дерево, как из простого полукруга сложное, что за сила стоит за такими загадками, и пр.?

Привет, пиши, В.

Письмо №8. В. Голофаст — Б. Докторову. 25 ноября 2003 г.

Боря, очень познавательно! <...> Я в последнее время много размышляю на тему наслоения культур, но российское общество все еще весьма монотонно в этих отношениях. Хотя на днях я нашел ссылку на новую книгу одной американки или англичанки «Русская молодежь вырастает в Западе» (мне присылают каталог из Британии), похоже на эмпирию, а,

может, просто журнализм, неясно. Наблюдать за внучками — просто прелесть, настоящее удовольствие пожилых, тех, кто пожил. <...>

Технологии порождают избыточную информацию и технические сложности и лишние операции, на которые не хватает времени. А человек (тренированный профессионал) интуитивно выбирает и комментирует суть беседы, речи или интервью быстрее и ловчее. Так они говорят. Фантастически избыточным и засоренным шумом оказывается и неселективный видеоряд — его редко сканируют даже в системах постоянного наблюдения (над улицами, метро, производственными, офисами, даже полем военных действий). Все сканируется задним числом (когда ясно, что искать). Это к вопросу о работе историка.

Еще один аспект. Не странно ли, что в школах из всех занятий общества или эпохи (даже если их привязывать к созреванию и воспитанию школьника) только некоторые приобретают кружковой статус? Сейчас многие виды спорта стали самыми доходными профессиями в западном мире (из за телевизионной рекламы крупнейших спонсоров), два десятилетия тому были попмузыка и самодеятельный театр (в школе). Ладно, это тема неолиберализма, точнее неомегарынка. Пошлю — ка я тебе свой новый отпус, я был на конференции по биографике Мемориала и др. <...>

Привет, тиши, В.

Письмо №9. В. Голофаст — Б. Докторову. 1 января 2004 г.

Шлюхи путаные (путаны, знаешь?), а ходят с лета или осени. Два мотива или три. Экономия бюджета АН за счет нищих и непредставленных вверх. Господство (аппаратное) оситовского института в Москве и слабость всех прочих бывших. Превращение академич. социологов в абсолютное меньшинство на фоне сотен социологических, социальной работы, социальной философии, антропологических и прочих факультетов, которые выбрасывают на рынок тысячи людей с их дипломами, но без рабочих мест. Ну и интриги (возможно) разных людишек в городе. Были уже заседания в аппарате АН, но все неясно или скрыто. Пока. Одна из слабых защит пока — лауреаты Нобелевской премии. Этот аристократический пережиток напоминает звание рыцаря от английской королевы или ордена почетного легиона от несуществующей французской империи. А между тем гонорары поп-звезд доходят до 200 тыс. долл. за выступление, а заработки футболистов, баскетболистов, хоккеистов до 35 млн. долл. в год. Знаешь ли ты, что Гинзбург — активист и глава организации против антинауки и религии, а Алферов — коммунист в Думе и выдает премии по энергетике в 900 тыс. долл. и собирает нобелевских лауреатов для чаепития и обсуждения горячих проблем науки, как делал Гавел, или Иссык-Кульский форум или еще типа фронды Сузан Зонтаг или Наума Хомского? Другие люди правят нашими мирами. То есть дело не в людях, а в логике мафбюрократий. Люди там бывают разные. В общем я не пессимист и не оптимист. Не хотелось бы быть фаталистом. Делай, что интересно — мой скромный девиз. Ежели что будет про это — напишу, конечно. Но после конгресса социологии при МГУ у некоторых появилась идея приватизировать социологию, а для этого захватить ее в АН. К тому же она не упоминается в Социальной доктрине РПЦ — единственном социально программном документе в этой стране. Читал, между прочим. Чуть толще программы КПСС. Привет, В.

Письмо №10. В. Голофаст — Б. Докторову. 10 января 2004 г.

Знаешь, я смотрю на все такое занятие слегка с концептуальной точки зрения. Человек живет в машинерии общества, рано или поздно, занимаясь чей-то жизнью, обнаруживаешь и привычки, клички, особенности твоего персонажа или других людей. Но это в воображении так можно развес-

ти. В реальности поддерживается иллюзия, основанная на культуре и самом по себе живом процессе (истории), что все только в конкретных людях или их поступках, словах, движениях, действиях. Это дилемма индивидуальное-общее. На ней были помешаны на рубеже XIX-XX веков. Манера науки — вычленять общее, так полностью и не принята. Поскольку есть кино, литература, теле и пр. А там принципы иные. Хотя известно, что частное должно быть свернуто в общем, иначе общее пусто, вздорно. И в поиске без частного не только не обойтись, ибо оно след, свидетельство, окошко в жизнь, но в нем немалая часть эмоций, реакций, живой плоти. Писал ли я тебе, что еще у отцов церкви была проблема: как бог вложил в зерно пшеницу и хлеб, а в семя — дерево? Как в элементарном свернуто сложное? Они бились над этой величайшей для них загадкой. В культуре то же самое. Можно ходить в музей и видеть только пустые или душные пыльные залы, раскрывать книгу — и раздражаться мелким или неудачным шрифтом. Сам человек — инструмент и носитель культуры, только в нем сила увидеть в семени дерево, но за этим история, поиск и подготовка. Могу выбросить Dutch, а могу сделать несколько сочных фраз. Или, как Фатех [БД: Фатех Бергасов, блогер], опрокинуть все ведро своей жизненной страсти и опыта. Именно поэтому и твои корреспонденты, как правило, заводятся и включаются в игру. Частные загадки попроще, хотя и с интригой, об общих знают только спецы. И им нужна вся картина. Рисуй. Привет, В.

Письмо №11. В. Голофаст — Б. Докторову. 10 января 2004 г.

Мне кажется, старым людям помнятся большие куски жизни, а в них какие-то мелочи. Я бы попросил ее рассказать, сколько лет потребовалось этой семье, чтоб прижиться в Америке, как отличались родители-дети-внуки, к чему стремились, что не получилось-получилось, какие были особые способности или удачи в жизни разных членов семьи. Про языки, раз есть этот мотив, тоже важно. Но это для первых двух-полтора поколений. Вера и стремления в начале XX века были, вероятно, еще очень важны, особенно для Америки. Тут вообще что-то странное. В Бостоне я был в нескольких церквях, даже на пасхальной службе с одной семьей. Либо пусто, либо чисто статусное светское, раз в год мероприятие. Но я был в высокообразной среде. В более низких слоях может быть иначе. Теперь мода на возвращение всяких культов (даже антирелигиозных, антитрадиционных), говорят это, что б укрыться от слепых макросил сегодняшнего мира, спрятать голову под крыло. Я тут как-то сформулировал, что были три волны секуляризации в прошлом Европы: Реформация, Франц. Революция и наш пример. Ведь почти все протестанты на самом деле могут быть мистичны индивидуально, но они давно равнодушны к культу, церкви, да, думаю, и к глубокой вере. А секулярные верования поверхностны или психопатичны. Интеллектуалы — те могут еще что-то искать. А все остальное — это наносное, как ветер. Хотя почва у всего имеется в устройстве и современной жизни. Прости, если я все это слишком резко, по-дилетантски. У меня есть корреспондент в Торонто, на новый год он мне прислал фото, он и китаец, мол, обсуждаем практические приложения буддизма в нашей жизни. На столе бокалы красного вина и бутылка виски, стаканы к ней тоже отдельные. Закуски почти нет. Ладненько, привет, В.

Письмо №12. В. Голофаст — Б. Докторову. 25 января 2004 г.

...Единственно, что не дает мне впасть в полный пессимизм, — я заглянул на сайт выпускников школ — на самом деле самодельный форум — Днепрпетровска и нашел свою школу. Но не искал свой институт-университет пока. Я ведь когда-то учился и в институте, металлургическом, бросил после 2 лет.

Письмо №13. В. Голофаст — Б. Докторову. 4 февраля 2004 г.

Насколько я знаю, госнаука есть всюду. Пример — Франция. Я писал про стекляшку, в ее вестибюле висит доска мраморная с полными именами спонсоров, но без сумм, начиная с 40-х гг. Это значит, что спонсировался Дом наук о человеке, как целое. А затем внутри все перераспределялось. Это вело к кошмарным отношениям между разными группами внутри. Но аналог государства. И во главе всего всегда стоял политик-менеджер. Есть там Национальный центр научн. иссл., типичная структура госакадемии, инстанция, дарующая ранги. Люди всюду могли числиться на 1/16 ставки! В столовой семь градаций льготных цен. Активные связи с Минкультуры, и прочими мин-вами. Государства, этатизм в классической форме. У нас ведь тоже, кроме гос и парт был Госкомитет по науке — для отраслей, для бизнеса, по нынешнему. В Лондоне — Лондонскую школу экономики и политических наук возглавляет Пидденс, идеолог Блэра, даровавший ему этот госпост за программу на выборах. ЛШЭ обслуживает всю британскую империю, как и дом наук о человеке. Германию не знаю. Но вот малые страны, Швейцария, Голландия или Швеция. Основные деньги — от международных структур, например, брюссельской бюрократии, МВФ и МБ, или от профсоюзов и партий. Также вариант госнауки. Так что (так было!) коммерческая наука — это периферия коммерческого мира. Да, она существовала. Она есть и сейчас, но не прямо, а через фонды. Фольксвагена или Форда или МакАртура и пр. Все равно это госнаука, то есть наука через институты. Вульгарные либералы у нас хотят ликвидировать АН. Но ничего взамен не предлагают. И не смогут предложить, я считаю. Слишком легко смотрят. Тяжелая наука (с лабораториями и полигонами) вообще дело политики прямо, в том числе секретной. Гос-во самый сильный институт. Так было. Теперь 40 тыс. ТНК, но они потребители науки, а не производители. Сколько в мире телеканалов? Они собирают деньги с рекламы. Но не тратят на науку, как правило. Университет — это производное от церкви, исторически. То есть от суфгансудаства в средневековье. Все соборы строили церковь и города. Столетиями. Американский опыт узок. Все старые университеты в Америке основаны религиозно-сектантскими жертвователями. Боря, ты меня завел. <...>

Привет, В.

Письмо №14. В. Голофаст — Б. Докторову. 23 января 2004 г.

<...> Ведь единственное было когда-то препятствие, что при защите кандидатской нужно было иметь ДВЕ публикации, неважно каких и с кем. Теперь правил давно не знаю. Раньше было — для докторской — отдельная книга лучше всего, но для некоторых и этого было не надо. А до войны некоторые степени и звания давались просто за заслуги, особенно в закрытых областях, где и права на публикацию не было. Что в Америке, я теперь понимаю очень приблизительно. Но ты работаешь на грани литературы. Посему будь пост-пост модернистом, смело делай любые коллажи из любых вариантов и кусков. Академическую мантию ты сохранил? Я видел твоё фото из колледжа. Привет, В.

Письмо №15. В. Голофаст — Б. Докторову 24 февраля 2004 г.

Знаешь, у нас сейчас странный радиоландшафт (а я всегда был страстным слушателем, у меня приемники всюду, на кухне, в спальне и в рабочей комнате, говорят, мадам де Сталь любила писать в своей уборной, у нее там были все писчие принадлежности). Так вот, в Питере есть теперь православно-круто-патриотическая станция «Слово», абонирующая утреннее время радио России. Там много чего. Но я слушал часовое интервью с типом из Нью-Йорка, функционером, по-русски, который тоже распинался с массой деталей о еврейском мировом заговоре. Я согласен с тобой, — это интересно.

Часть проблемы я вижу в полной утрате доверия ко всяким политикам и ко всякой политике в массе населения. Заботы политиков перестали быть созвучны людям. Добавляет и свое размножение правды-лжи в ТВ, некоторые говорят о мозаике, но мне лучшее слово калейдоскоп. Но все же главное — это пустота коллективного будущего. В условиях пропаганды индивидуализма-эгоцентризма это становится проблемой. Человек живет в культуре, но многие культурные цели абстрактны, и недоступны кому-то. Профессионалов спасают нормы профессии. Религии тоже пусты. И т.п.

Твоя археология Америки замечательна по порыву. Джефферсон был очень мощно-цельный человек. А Липпман — ловелас и, возможно, циник (веревки вить!).

Знаешь, я как-то объяснял своему зятю-архитектору, что такое претензионное богатство, какое было у некоторых людей в истории Америки, в России уже не повторить исторически, даже если ты миллиардер. Я ему показывал одно из поместий Херста в Калифорнии (у меня есть фотоальбом). С египетскими скульптурами вдоль мраморной лестницы к бассейну... А он работает на новых заказчиков, теперь больше на власти. Так что об американцах есть что рассказать. Смело пиши. Но помни про Африку или Сибирь-Алтай... Привет, В.

Письмо №16. В. Голофаст — Б. Докторову. 26 февраля 2004 г.

Запой, это хорошо. В свободном полете рождаются невиданные вещи. Я когда-то сформулировал, что писание само по себе продуктивно, то есть неожиданно для автора. Отсюда, как знаешь, и лозунг был — ни дня без строчки. <...> Мы вроде отстояли свой институт. Так что будем на старом месте, приезжай. А вот в Москве много изменений — в институтах РАН. Потом расскажу. Привет, В.

Письмо №17. В. Голофаст — Б. Докторову. 12 марта 2004 г.

Боря, я с удовольствием прочел твой страстный манифест. Возникает куча вопросов. По сути один из них — зарождение холодной войны (как политического феномена, но в глубине и связанного с позициями интеллектуалов), другие — госвласть и свободные люди с жизненными проектами, карьерами, интересами, обстоятельствами структуры (нужны доходы и пр.). Весь замысел очень масштабен. Война как нечто, что двигает историю. И твоя проблема. Ты ее называешь в тексте слишком мало-много историчности, мало-много личности. Это известная проблема влияния структуры versus актера. А еще если актер интеллектуал, инициативный, самостоятельный, упрямый в своих планах-страстях человек.

Отвлекусь. Много лет назад у меня был интерес к любительской астрономии и телескопостроению. Я имел канал в БАН и давно знал всех библиотечкарей на кафедре философии. Одна из них достала мне три тома из Пулковской обсерватории, в которых были собраны за много лет статьи из журнала *Sky and telescope*, где был весь опыт американских любителей, начиная с войны и после, до 60-х гг (единственный экземпляр в СССР). Один факт имеет фундаментальное значение. Во время войны потребовалось срочное производство прикладной оптики (бинокли, перископы, трубы, для авиации, флота, танков и пр.). Никакой промышленности оптической в США не было. Оптички-любители сделали все — проекты, технологию, первые линии штурмового, а затем массового производства. И к концу войны промышленность заработала. Ключевыми были опыт самодеятельности, взаимопомощь и страховка друг друга, открытость опыта. И, вероятно, что-то двигало их как фактор военного времени. До войны на месте часового завода Ракета в Петродворце был завод часовых камней, вначале заготовки везли из Швейцарии, потом все нафрылось. Сделали производство искусственного рубина и приобрели независимость — в танке, самолете нуж-

ны десятки часовых механизмов. Все как в США.

Еще отвлекусь. Когда-то американец изобрел суппорт для токарного станка. Это было в начале девятнадцатого века. И это стало революцией в этой технологии. Были соревнования между Европой — старой промзоной и США — еще с предрассудками.

Потом к 80-м гг. американцы сделали первые в мире сборочные линии с взаимозаменяемыми частями на своем первом часовом заводе. И посадили в лужу королей часового дела — швейцарцев, французов и пионеров этого ремесла-англичан. То есть, я хочу сказать, что в Америке это была надидивидуальная культурная модель или семейство моделей. Сделать новое, неизведанное, находящееся на фронтире. Они много раз пытались это. И иногда (мягко сказано) удавалось. И это понимали другие. Даже за пределами круга интеллектуалов. Должен сказать, что сознание своих возможностей созрело в США поздно, по моим понятиям только с первыми миллиардами, к концу дев. века-началу двадц. К Фордовской эпохе. (Теперь есть куча работ о ее конце и причинах этого — другой сюжет). Утвердились американцы только после победы в первой мировой войне. Я на барахолках видел в Нью-Йорке изделия конца XIX века; ремесленные, уникальные, уродливые, но работавшие. А потом крах 30-х. Нужно быть осторожнее и т.п. Я тебе пишу эти дилетантские исторически-культурные соображения скорее, чтоб разделить с тобой воодушевление.

Про советы. Я книги по ам. истории знаю плохо. Но есть ведь наши американисты, кроме института США и Канады. Потом важное — что искать. Согласен — мемуары, и пр. Знаешь ли ты фонд в Колумбийском ун-те в Нью-Йорке, в библиотеке. Он весь электрифицирован давно, все в личной форме и в личных линках всех со всеми. Правда, их профиль — политики, общественные фигуры. Интеллектуалы, ученые — постольку-поскольку. Я когда-то был в переписке (увы, бумажной, не найти) с директором этого фонда. Там же пасся *in vivo* Саша Эткин [БД: А. М. Эткин, социолог], где нашел кучу мемуарно-координирующего материала про посла в СССР и пр. В конце концов, не обязательно все всем объяснять из твоих интересов. В Гарварде есть фонд — все про женщин Америки, я там был — четыре этажа библиотек, рукописей, банков данных и пр. Они даже дают маленькие гранты для работы у них. Центр Генри Маррея, психолога.

Перерыв, внучка требует внимания и игры. Привет, В.

Письмо №18. В. Голофаст — Б. Докторову. 4 Апреля 2004 г.

Что тебе сказать про поллы? Ты, вероятно, прав. В следующем смысле. Исторически так сложилось, что газет, а потом программ на радио и телевидении было много больше, чем фирм ОМ. За пределами узкого круга профессионалов и тех, кто понимал рынок ОМ или маркетинга политического, социального или чисто коммерческого, никто в них не разбирается.

А данные о структуре мнений в обществе, в регионе, в крупном городе (в общем массовые) уже значили новость, опору для журналистского комментария или для решения соответствующего тита представителей власти или (в идеале) для населения (массы). Отсюда и отвязанный смысл слова в твоей трактовке, как структурного элемента в гражданском/коммерческом/политическом обществе. В привязке к СМК, а не к условиям производства результатов, методам, надежности и прочим внутренневым ценностям. Я был бы рад, если бы ты придумал любое решение — нужно отвязать поллы от социологии собственно. В этом наша здесь культурная проблема. (Профессионалы сами свяжут, если будет нужно, они — то знают про различия, впрочем, на определенных этапах, не очень уж и важные). Вспомни 70 гг. у нас, когда различий то и не было по существу в текстах немногих статей. Да и сейчас — время вульгарного использования всех

массовых данных, даже двумерки совсем исчезли, не говоря о прочей матстатистике (она если и осталась, то внутри — и все про выборки). Итак, смело дуй. А выйдет ли, посмотрим. Как ты знаешь, в русском дефицит слов на эти сюжеты. Делай примечания (лингвистические) для неопитов. Или ставь перед фактом. <...>

Да, сегодня слушал доклад Юры Француза [БД: Ю. А. Француз, социолог], который отпреподавал много лет в Миннесоте «Демографические теории: социологические интерпретации». Вполне на уровне, квалифицированная лекция, все были поражены (людей было человек 17-18). В.

Письмо №19. В. Голофаст — Б. Докторову. 15 мая 2004 г.

Насчет дома, Боря, я тебя понимаю. Я ведь мигрант со студенческих лет. И практически каждый год бываю на Украине, если только я в это время не в другой стране. Недавно мой брат, через столько лет, обвинил меня, написал, что я сукин сын бросил его и родителей ради своего честолюбия. <...>

Привет, В.

Письмо №20. В. Голофаст — Б. Докторову. 16 мая 2004 г.

Да, увы... И самое возмутительное, что все продолжается под демагогию чеканных слов и лозунгов. И все вынуждены участвовать, так или иначе. Ладно, мы это проходили.

Развлекаюсь тем, что читаю очень старую литературу Японии, до этого был Китай. Про энергетику это ты верно заметил. Я тут пытался разяснить одной невинной душе, почему после гражданской войны все же было воодушевление и т.п. Повторять не буду, но суть в предельных стремлениях, которые сегодня уже нельзя прочувствовать, а значит, и не понять тех людей.

Вот одна моя знакомая вспоминает: Мы на целине пели песенку: С песней шагом Под британским флагом Навстречу пальма алая Плыла издалика. Меж ветвями кровь заката, Слово к ране там прижата С растопыренными пальцами рука. Так нужна ль миру Киплингова лира?! Бей, барабан! Бей, барабан! Эй, Томми, не грусти! Слева слава, справа слава, Впереди и сзади слава... И забытая могила посреди...

Это по поводу Киплинга. Но тут важна дистанция от текущей тогда же политики.

Привет, В.

Письмо №21. В. Голофаст — Б. Докторову. 30 мая 2004 г.

Боря, Австралия — среди лидеров сети уже давно. Там есть правительственная поддержка интернета, они были первыми, кто скопировал библиотеку конгресса, у них замечательные сайты в Университетах. Они придумали проект всемирной библиотеки — перевести все, подчеркиваю ВСЕ книги в мире на электронную форму, и они даже нашли деньги на это, но законодательные барьеры, прежде всего в их метрополии, оказались сильнее. И там есть много замечательных людей. У нас с Божковым там есть один рыжий австралиец, мы его возили по Петербургу, который отправил мне письмо, но без указания номера дома и квартиры, это письмо отправили обратно в Австралию, к антиподам, и оно вернулось с правильным адресом и с чертыханием. А потом я его потерял. Он приятель человека из Кента, где они издают международный журнал по городам, с которым сотрудничает Шкаратан [БД: О. И. Шкаратан, социолог]. Я был в Кенте и давал семинар. Самое мое замечательное впечатление, что меня слушали девушки из Ирана и Турции, и были очень вдохновлены моими рассуждениями о Северном Донбассе (по личным впечатлениям) и про дачные поселки вокруг Москвы и Петербурга. Так что держи курс на Австралию. Это совсем недалеко. Пилинский [БД: Я. И. Пилинский, социолог], туда летал и часть его девушек. 30-40 часов через Гон-Конг, и все в порядке. Только у них страшные таможенники. Это отдельная повесть. Все же остров. И много эндемиков. И раньше были только каторжники и беглецы от второй мировой войны с Украины и прочего. Там работает теперь одна дама из Польши Анна Вежбицкая. Очень достойный лингвист. Куча книжек. Но все в одном жа-

нре. И у них есть журналы. И они верят в социал-демократию. Как в Европе, которую за это презирают все американцы, учти. Бог тебе в помощь, только не знаю какой. Знаешь ли ты, что монотеизмов всего три, и все из одного корня: иудаизм, христианство и мусульманство? А все остальное уже иначе, учения, личные доктрины, философские течения. Мое любимое — даосизм, ранний, поздний напоминал алхимиков в Европе. А о раннем есть классные романы. И притчи, которым нет равных даже в народном иудаизме из Польши-Чехии 16-17 веков. Слушай, Вам там не дают бесплатно Тору на каком-либо языке? Я об этом мечтаю. Или более поздние апокрифы? Прости, если это тебя ставит в тупик. Ты же знаешь, мой интерес сугубо интеллектуальный! Привет, тиши, В.

Письмо №22. В. Голофаст — Б. Докторову. 8 июня 2004 г.

<...> Да, а что касается Анны Карениной, то она у меня лежит у изголовья. Я ее читал на ночь месяца три-четыре, теперь пауза примерно уже года полтора. Разумеется, я видел фильм и постановки. До университета я очень увлекался Толстым. В моей провинции я нашел в одной библиотеке 90 томное собрание, и сканировал его по разным поводам. В Карениной потрясающе интересный быт, неправдоподобный, непредставимый уже. И странные теории насчет народа, утопических стремлений, порывов. Я когда-то любил Толстого много глубже, чем Достоевского, если сравнивать. Но тебя я поздравляю, вместе с Амазонкомом, все же он тебя высчитал.

Письмо №23. В. Голофаст — Б. Докторову 18 июня 2004 г.

Ну что, у тебя полезные и интересные собеседники. Я посмотрел журнал, прочел статейку о продвижении люкса. Эта тема меня давно интересует. Конечно, прагматика доминирует, но ведь это и неплохо! Я в свое время задумался (еще в Париже), почему производство люкса такая живучая штука? И где же край? Похоже, пока края нет. Я придумал несколько ответов. И мечтаю об этом как-нибудь написать. Привет, В.

Письмо №24. В. Голофаст — Б. Докторову 29 июля 2004 г.

Знаешь, может, это и из идиша (как известно, это диалект немецкого и прочих восточно-европейских языков, у меня тетя говорила на нем). Но Маяковский придумал — чело-вечице. Что почти точно, если не считать отсылки к Ленину. Я бы не мудрил особо. Приличный человек в наших кругах — вот это он и есть. Моральная «коннотация», как выражается сайт, здесь уместна, а вот на счет религиозной — не знаю. Как ты знаешь, позитивный словарь для обозначения третьих людей в русском беден (было опасно), а вот негативный — бесконечно богат. Так что лепи по фразе. Переводчик имеет власть над текстом, которую почти никто не может оспорить. Учти это. Вам не нравится — делайте другой перевод! В тексте всегда столько проблем... Успеха. Привет, В.

Письмо №25. В. Голофаст — Б. Докторову. 3 Сентября 2004 г.

Боря, я прочел твою грушениану. БА [БД: БА. Грушин (1929-2007), социолог] должен быть доволен. А твои коллеги должны другими глазами посмотреть на свою жизнь и на лица окружающих (еще живых) коллег. Из этого и вырастает история, так и создается схематика всего в учебниках.

Разумеется, у меня много эмоций по разным деталям. Но ведь не в них дело. Ты просто молоток, что смог встать на позицию летописца и аналитика — при всем личном, что содержится твой текст. Так что все ОК. Историю, изложенную тобой, еще надо много раз переписывать. Но пусть это делает масса преподавателей и будущих (!?) аспирантов. Кто-то же должен защищать свои диссертации. Я тебя поздравляю. И, кстати, мне очень понравились личные справки о разных людях. Это правильно по существу. Надо оценивать людей в целом. Ведь многие уже в историю ушли или вот-вот уйдут, к сожалению. Так что твоя генеральная установка ≠ мето-

дологически безупречна. На мой скромный взгляд. И — в поучение другим. Например, московским приятелям, которые не могут оглянуться на свое прошлое, не то, что на прошлое и на значение своих коллег. Если отреагирует юбиляр, перешили мне. Интересно. Или кто-то значимый. Смотрел НТВ и РЕНТВ — единственные каналы у меня (кроме ССН, которые смотрели все журналисты), которые старались вести прямые репортажи. Сколько вранья, но и сколько «информации», то есть живых, конкретных картин всего происходящего в этом несчастном городке, где одна большая школа №1!!!

Пиши, привет, В.

Письмо №26. В. Голофаст — Б. Докторову. 4 сентября 2004 г.

Боря, твое письмо очень прочувствованное, я сейчас так не могу — может, потому, что сам был затронут и не хочу вспоминать свои переживания.

<...> гениально, если бы ты продвигался в твоих интересах. Я согласен, что большие некому — нужно было сменить оптику, приобрести другой взгляд. И ты к этому готов. На конференции я, может быть, и посидел бы. Но она тоже оставляет меня совершенно холодным. Хотя я и написал пару статей в свое время на эти сюжеты. Меня не оставляет ощущение, что проблема так и не поставлена осмысленным образом. Много причин. Причем, не только у нас, но и в других странах.

Знаешь, после стажировки и от стажировки в Париже у Бурдые — я испытал — разочарование. А кое-что вызвало у меня и неприязнь. Я понял, что никто не имеет полновесных решений, подходов, никто. Также много причин. О них не сейчас.

Пиши, однако. Привет, В.

Письмо №27. В. Голофаст — Б. Докторову. 22 сентября 2004 г.

<...> Про праздники — ведь их традиционное обрамление бесконечно богато, рассчитано на всех, даже на детей. Это — одна из тем моих размышлений последнего времени. Я обнаружил (потом и у других) что все теории-схемы-идеологии модернизации всегда давали слишком черно-белую картину, просто переключения от традиционного существования к другому. Возможно, структура ценностей так и переключается. Как будто человеку-обществу сдаются другие карты, и он уже играет иначе. Но сия черно-белая схема не просто обесценивала все традиционное, она как бы делала слепым относительно существования, присутствия традиции среди всего нового. Альтернативный взгляд — не синтез, это бывает очень редко, не победа с уничтожением одного другим (тут идеологии революции и войны играли злую шутку со всеми), а смесь, соприсутствие анклавов — техники и религии, имен и новых терминов, фото и рисунка — и т.д. и т.п. Новое расталкивает локтями старое. Специально выбираю материальные и грубоватые примеры, чтоб оттенить. Но то же относится к мыслям, чувствам, стремлениям, страхам, тоске и прочая. Язык слишком традиционен и груб, чтоб выразить эту смесь.

Научные дисциплины (например, психология, антропология...) проблематизируют проблему на слишком узком участке — так и становится возможен эффект черно-белого видения.

Второй поворот темы — это ряд: разделение труда, функциональное, географическое, историческое, затем — разделение знаний, компетенций (то есть не просто то, что в голове, но и что в руках или в ногах, или в теле вообще), и наконец — это и есть мое добавление — разделение культур, как свойств людей и обстановки (материальной, социальной, институциональной...). Из всего этого я пытаюсь — мысленно пока — выстроить образ сложного общества, или сложной жизни, общезжития. Пока не уверен во всех словах. Может, поэтому никак не начну писать на эту тему, неясно, с какого конца раскручивать. Скажем, можно от старых

учебников социологии — совсем неадекватных, вызревших вообще-то по итогам мышления XIX века, ну начала XX... Об этом мы уже думали с тобой. А можно от примеров жизни. А можно от абсурда политики...

Боря, ты не просто молодой и задорный аспирант. Твое пятилетие отвлечения-мучения позволило тебе радикально пере — осмыслить, определить, писать, воспринять ... твой мыслительный мир. Ты не забыл прошлое. Просто оно заняло более скромное место в твоей голове. Это как очистить стол от старых бумаг — и писать заново и начисто, по иному.

У меня это было пару раз в начале моей рабочей или социальной карьеры. Может, это у многих обычное дело. Как разные входы в лабиринт. Кстати, как я прочел у швейцарца — Лабиринт на Крите скорее всего был культовым строением матриархатного спокойного, созерцательного и счастливого общества. А не ловушкой для завоевателя, как это потом стало восприниматься в европейской трактовке.

Пиши, пиши, пиши. Привет, В

Письмо №28. В. Голофаст — Б. Докторову. 26 сентября 2004 г.

Боря, разумеется я разделяю твои догадки.

Могу добавить (к вопросу о традиционном обществе и цивилизации). Когда я начинал заниматься биографиями, я сказал себе и своим коллегам, что от двух линий мы будем уходить в своей активности — от лагерей и репрессий и от военных воспоминаний. Первое мучительно и напряженно идеологично — требует огромной социо-технической работы с людьми, которые об этом пишут. Второе же — выдающийся пример эксплуатации государством военной темы — гигантская машина пропаганды во главе — с верху до низовых организаций — в том числе и по фабрикации соответствующих текстов. В местных издательствах были целые отделы, которые работали на эту тему.

Итак, открытие ценности биографии для человека (например, для тебя) — это продолжение того факта, что общественно-историческую-культурную ценность биографий давно знало государство и эксплуатировало ее почти монополю.

Есть еще и другой аспект. Советская власть много сделала, чтобы многие люди забыли своих предков. Включая уничтожение (и добровольное) документов об этих временах и людях. Как все обстоит в США, можешь сам добавить...

И ты прав, чтение даже (а не только работа над биографиями других людей) — это мощный мотивирующий, терапевтический, аурачный источник. Это заменитель реальной поддержки в своей жизни.

Еще один мотив. В культуре (а написание — это прямой перевод в культуру) человек становится почти бессмертным. Почти, поскольку были Тойнби, Шпенглер и прочие, которые спокойно принимали факт, что культуры смертны, как и личности. Пока я живу, я могу беседовать с Конфуцием, или с Гэллатом. Как со своей мамой. Когда она далеко.

В общем, твоя тема — вполне может быть очерком. Ты ведь сам себе создаешь окружение, вполне реальное к тому же, я имею в виду сеть и твоих корреспондентов в США. <...>

Привет, В

Письмо №29. В. Голофаст — Б. Докторову. 26 сентября 2004 г.

Знаешь ли ты, что биографическая литература почти всегда опережает по объему продаж художественную и развлекательную литературу. Кроме всплесков бестселлеров. Но бестселлеры — это короткие деньги. И, как правило, однодневки. Так что биографии — это почти уровень классики.

Письмо №30. В. Голофаст — Б. Докторову. 17 ноября 2004 г.

<...> Но вообще общее настроение скорее продолжает схлопываться. Расспрашиваю Таню Шепанскую [БД: Т. Б. Шепанская], этнографа, которая работает на факультете. Го-

ворит, у меня всего 6 часов и курсовые-дипломы в одном месте, да еще приходится почитать в другом — это влечет навык переключения тем, который совсем опустошает голову. Мучительно пытаюсь хоть что-то делать по своим планам, но понимаю, что это все труднее и труднее. На факультете, напротив, бум возможностей, но совсем иной жанр забот. Поездки, курсы, псевдоконференции, предложения с горящими деньгами, предполагающие просто какие-то отписки. Министр образования, ставший основным воплощением нынешних угроз, заявил в Токио, что государство не может оставаться безразличным к интернету. Буря протестов. lib.ru празднует десятилетие. Это один из замечательных маяков Рунета.

Та же Шепанская рассказывает, что наглые богатые студенты просто сдирают дипломы (целые куски) из сети, да еще чужими руками. Это по антропологии. Она говорит, я ведь знаю все тексты. Божков подтверждает это для курсовых.

Время полной эклектики в московских текстах книг. Венгры еще 7 лет назад вопили о колонизации социальных наук, разрушительной в целом. У нас последняя идея верхов — привлечь успешную на Западе диаспору как экспертов для переделки Академии и образования. Будет повторяться, возможно, история с ГДР.

Я тут сказал одной девушке, знаешь, можно ведь сейчас завернуть за угол, и уйти совсем в другие края, не возвращаясь... Я пару раз в жизни так делал. Правда, в другом возрасте.

Я без пессимизма, учти. Привет, В.

Письмо №31. В. Голофаст — Б. Докторову. 1 ноября 2004 г.

Шесть — это мощно! Но ты не обращай внимание — пиши романы.

А меня вот тянет на афоризмы почти. Я тут начал один маленький-маленький текстик. Но его тоже трудно продолжать без читателей. А их не найти, особенно на предварительной стадии.

Мне сегодня одна женщина прислала запрос на ссылку по моей статье 2000 года. Я ее перечитал, все же много ценных поворотов. Вот так и становишься чужкой-читателем.

Не горюй, привет, В

Письмо №32. В. Голофаст — Б. Докторову. 6 декабря 2004 г.

Нет, Боря. Я читать не люблю. Я консультант, мне этого хватает. Для меня — предмет у нее — просто интеллектуальная загадка. Мне нравится думать на эту тему, как бы это можно...

Мне предлагал Козловский [БД: В.В. Козловский, социолог] читать у них «Современные соц. Теории», но я отказался. Преподавание — это куча своих навыков.

<...> Только что наш президент побывал в Бангалоре. Это мне интересно, моя дочь работает сейчас с англичанами-американцами в профиле Бангалора — офшорное программирование. То есть не она сама — она финансист -, а ее контора. Они сделали свои платные курсы на физфаке, чтоб ковать себе кадры, быстро растут. Меня интересует все это как примеры взаимопроницающего мультикультурализма. Знаешь ли ты секрет успеха Бангалора? Благодаря Британской империи индийцы англоязычны, плюс очень толерантны к трагедиям жизни, не превращают всякий пустяк в трагедию. Внутреннее спокойствие и независимость, идущая от силы культуры. А вот откуда они прагматики — мне неясно. Один факт. Президент обещал индийцам, что Россия потратит 2 млрд. долларов только на доплату производителям лекарств в этом году. Индия нам должна, поставляет лекарства в счет долга. Значит, их фармакологи — в убытках. Это им кость. А не бедным старикам в России. Ибо с 1 января у нас — монетизация льгот, если слышал. Вот это я и называю — социальные машины. Все это поверх людей.

Совсем о другом. Читал ли ты когда-нибудь Люиса Мамфорда? Я пропустил здесь издание его книг, придется искать в библиотеках. Я когда-то читал, но мало, статьи. Он — философствующий историк. Любимый жанр. Очень независимый ум, вроде.

Привет, В.

Здесь оборвался наш живой разговор с Валерием Голофастом. Начались мысленные беседы.

Литература

1. Докторов Б. Биографичность как существенная черта социологического // 25 августа 2014. URL: <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/b-doktorov-biografichnost-kak-suschestvennaya-cherta-sociologicheskogo-tvorchestva>
2. Докторов Б. Валерий Голофаст. Фрагменты истории российской социологии как истории с «человеческим лицом» // Теле-

скоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 2. С. 25-33. URL: http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1208530346289952file.pdf

3. Докторов Б. Валерий Борисович Голофаст (1941-2004).

URL: http://www.pseudology.org/Golofast/Golofast_indivd2.htm

4. Докторов Б.З. История в биографиях и биографии в истории // Социология вчера, сегодня, завтра. Социологические чтения памяти Валерия Борисовича Голофаста / Под редакцией О. Б. Божкова — СПб.: Бильбо, 2008. С. 7-13. URL:

http://www.socioprognoz.ru/files/File/golofast/GR_2007.pdf

5. У голубой лагуны // Антология новейшей русской поэзии: Т. 5-А / Сост. К.К. Кузьминский, Г.Л. Ковалев. С. 253-266. URL:

http://www.kkk-bluelagoon.ru/tom5a/zub_golofast.htm

6. Алексеев А. Личностная, или лирическая социология Бориса Доктора / 13 апреля 2015. URL: <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/lichnostnaya-ili-liricheskaya-sociologiya-borisa-doktorova>

7. Докторов Б. Радио «Свобода». 19 августа 2011 г. URL:

<http://www.svobodanews.ru/content/article/24302065.html>

8. Докторов Б., Ларсен Н. В нем всегда присутствовала «дисциплина текста», присущая людям поэзии. Как это было // Социология вчера, сегодня, завтра. V Социологические чтения памяти Валерия Голофаста / Под редакцией О. Б. Божкова. СПб.: Эйдос, 2012. С. 602-618.

9. Докторов Б. Многожанровость. Еще один императив историко-социологического исследования // Когита. Ру, 2 июля 2017 г. <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/publikacii-a.n.alekseeva/valerii-golofast-nezavisimiy-um-disciplina-teksta-priglasenie-k-postmodernizmu>